

*А.Х. БОРОВ,
Е.Г. МУРАТОВА*

Северный Кавказ в современном общественном дискурсе*

Исследуя образ Северного Кавказа в современном общественно-политическом дискурсе России, авторы текста приходят к выводу: путь к преодолению чрезмерной этнизации и историзации политического мышления в отношении этого региона связан не с игнорированием прошлого, а через утверждение рационалистических, научно-познавательных установок по отношению к нему.

Ключевые слова: Северный Кавказ, внутренняя политика России, общественное мнение, этнизация политической практики.

The investigation of Northern Caucasia image in modern Russia's socio-political discourse brings the authors to the following conclusion. A pathway to cope with excessive ethnicism and historicism in political thinking toward this region connected with an acceptance of rationalist, scientific-cognitive attitudes.

Keywords: Northern Caucasia, Russian Federation domestic policy, public opinion, coping of ethnicism in political practice.

Сложившиеся в современном общественном дискурсе “образы” какого-либо региона в значительной степени предопределяют те углы зрения, под которыми исследователи рассматривают картину его прошлого и современное положение. Наиболее общая и бросающаяся в глаза характеристика места, которое Северный Кавказ занимает в общественном дискурсе России, – несоответствие между его фактически периферийным положением на географической и социально-экономической карте страны и высоким уровнем внимания и озабоченности, проявляемым к этой территории российским обществом и государством. Между тем предварительное условие корректной постановки и решения различных исследовательских задач относительно современной ситуации и перспектив развития Северного Кавказа – критический анализ дискурсивных практик, предлагающих интерпретации существующих там проблем. Безусловно, систематический анализ содержания современных общественных дебатов, законодательства и практической деятельности официальных властных структур, программных документов общественных движений, политических партий, неправительственных организаций (включая религиозные общины), материалов СМИ

---

* Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг.

Б о р о в Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).

М у р а т о в а Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).

представляет собой самостоятельную научную проблему. Но некоторые принципиальные позиции и следующие из них выводы представляются репрезентативными уже в силу частоты их воспроизведения в общественной сфере.

Публичное обсуждение проблем Северного Кавказа идет, как правило, в рамках трех базовых подходов. Либерально настроенные аналитики в России (и их коллеги на Западе), а также представители международных организаций акцентируют внимание на вопросах обеспечения прав человека в регионе. Аналитики, эксперты и политические деятели, исходящие из приоритетности национальных интересов России, выдвигают на первый план задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Интеллектуалы, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия. Во всех этих случаях в качестве явной или неявной посылки присутствует представление, что источник проблем, противоречий и конфликтов в регионе – его этнокультурное и конфессиональное своеобразие.

При самом общем обзоре периодики и специальной литературы бросается в глаза излишняя устойчивость ссылок на особую, даже уникальную природу Северного Кавказа как российского региона. Подобные суждения – по сути общее место не только в публицистических или паранаучных работах этноцентристского толка, но и в академических исследованиях, выполненных с объективистских позиций. Приведем образцы концептуальных формулировок, которые обычно лежат в основе большинства кавказоведческих научных трудов.

“Кавказ – уникальная и удивительная страна. Здесь все дышит древностью – ландшафт, культура, необычные на первый взгляд социальные и бытовые институты, многочисленные политические и религиозные формы и традиции... Именно на Кавказе впервые возникли системы общественных отношений и множество социальных институтов, являющихся предметом особых исследований гуманитарных и общественных наук, и предмет особой гордости для многих народов, проживающих на Земле”, – говорится, например, в монографии о функционировании традиционных северокавказских общественно-политических институтов и их роли в жизни локальных сообществ [Яндиев, 2008, с. 10, 12].

Аналогичный тезис выступает как базовая посылка и в обобщающих работах, по существу, абсолютизирующих “особое, по-своему уникальное место Северного Кавказа в ряду регионов Российской Федерации”. Все это по традиции увязывается с проживанием на “относительно небольшом географическом пространстве... разнообразия этносов и этнических групп, различных по своей конфессиональной принадлежности, хозяйственному укладу жизни, ценностной и культурной ориентации, степени и формам политической организации” [Северный... 2008, с. 5]¹.

Опираясь на эти исследования, фиксируемый в массовом сознании, в материалах СМИ, в аналитических разработках “Северокавказский синдром” включает следующие основные “симптомы”:

– “уникальная” по своей сложности этническая и религиозная структура региона; его социокультурная инаковость по отношению к большому российскому обществу;

– общая маргинальность Северного Кавказа в рамках современной геокультуры, поскольку он представляет собой то ли особую “горскую цивилизацию”, то ли кон-

---

¹ В современном российском кавказоведении есть направление, которое дистанцируется от доминирующей риторики об уникальности Северного Кавказа и радикальных отличий его жителей от остальных россиян. Напротив, при всей сложности и неповторимости ситуации, человеческое поведение и общественная жизнь в этом регионе в целом строятся по тем же основным законам и интересам, которые характерны для всей страны, а во многом – и для других обществ и государств [Пути... 1999, с. 7]. Тем не менее автор приведенных положений – В. Тишков в конечном счете таки возвращается к идее “инаковости” Северного Кавказа – “самого сложного региона Российской Федерации с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности” [Российский... 2007, с. 5].

тактную зону культур и цивилизаций, то ли даже участок на линии “разлома” между православно-христианской и исламской цивилизациями;

– особый геополитический статус упомянутой территории, обусловленный как общими геополитическими сдвигами в мире после “холодной войны”, так и фактическим геополитическим членением внутреннего государственного пространства современной России;

– кризисный и конфликтный характер протекания в регионе социально-политических процессов на переходе от советской к современной российской государственности;

– распространение и отчасти укоренение на социокультурной почве Северного Кавказа негативных элементов современного глобального развития (этнических конфликтов и сепаратизма, религиозного фундаментализма и экстремизма, терроризма);

– обусловленное всей совокупностью перечисленных выше факторов, превращение региона в источник, проводник и катализатор многочисленных и разнообразных угроз для безопасности российского общества и государства.

Неудивительно в этой связи, что тема “нестабильного Кавказа” как одной из самых “больших проблем” для современной России фигурирует в выступлениях Президента РФ [Медведев].

Логическое продолжение признания особого характера проблемности Северного Кавказа как региона – поиск путей разрешения этой коллизии. Множество публицистических выступлений и аналитических разработок так или иначе пытаются ответить на вопрос, что и как делать с этим регионом. Однако стремление к неперменной практической ориентированности проводимых исследований имеет оборотную сторону – утрату самостоятельности экспертных оценок по отношению к идейно-политическим установкам (см. [Смирнов, 2001]).

В результате активное и широкое обсуждение состояния и перспектив развития ситуации в регионе содержит определенные слабости. С одной стороны, оно недостаточно подкреплено репрезентативными социологическими данными и системным анализом исторического материала. С другой стороны, слабости эмпирической базы не корректируются явно выраженным набором аналитически выверенных методологических установок.

Между тем в настоящее время нарастает не только “агрессивность” обыденных представлений относительно проблем Северного Кавказа и его уроженцев. Что хуже, происходит все более усиливающаяся и глубокая инфильтрация этноцентристских, мифологических, сверхполитизированных установок в профессиональную научную среду. В итоге грань между научным обсуждением, с одной стороны, и общественно-политическими дискуссиями по северокавказской проблематике – с другой, кажется безнадежно стертой.

В подобной ситуации исходящий от официальных лиц, политических деятелей и комментаторов, набор вариантов концептуализации этих проблем и нормативных суждений этического, политического, конституционно-правового характера весьма широк. И он, пожалуй, вполне иллюстрирует методологическую проблему соотношения языка описаний и действительности, анализ которой некогда был предложен применительно к карабахскому конфликту. В результате практически каждый “реальный” политический вопрос обрастает мифологизированным шлейфом, а сама реальность выступает, по существу, “в форме своего отражения, уже структурированного в соответствии с некоторой концептуальной схемой или такого описания, которое имплицитно предполагает схему решения, приемлемого для той или иной стороны” [Золян, 1994, с. 131].

Реалии и проблемы Северного Кавказа в политических и аналитических проектах воспроизводятся весьма обедненно. Фактически наиболее общей характеристикой таких выступлений стал своего рода редуccionизм. Из всего многообразия проблем региона серьезное внимание уделяется только их этнополитическим и геополитическим ипостасям, анализ которых, в свою очередь, ограничивается рассмотрением

текущей ситуации. Причем на первый план неизменно выводятся ее кризисные или конфликтные компоненты. В итоге и проблемы, и обстановка в целом моделируются, как правило, по экстремальным формам их проявления, и создается впечатление, что именно они представляют некую “норму” общественно-политической жизни на Северном Кавказе. Но сама логика и язык “кризисного” и/или “конфликтного” мышления снижают ценность аналитических выводов, которые замыкаются на краткосрочную перспективу и сводятся к рекомендациям по поводу узкого набора возможных реактивных действий федеральной власти в той или иной ситуации.

Особенно далека от истины парадигма и логика чисто геополитического анализа. В его рамках Северный Кавказ представляется частью растущей опасности, грозящей России с южного направления в связи с экспансией агрессивного исламского фундаментализма. Кавказ рассматривается в качестве традиционной сферы противостояния геополитических интересов “евразийского” и “атлантистского” полюсов. Все перестроечные и постперестроечные конфликты в этом регионе интерпретируются как выражение “столкновения двух глобальных геополитических сил, которые прямо или косвенно стояли за более мелкими действующими лицами социальных, религиозных, идеологических и этнических усобиц” [Дугин, 2001, с. 28].

Неявные, но существенные социально-политические аспекты подобного воспроизведения северокавказской реальности исключительно к функции отражения геополитических проблем, связаны с тем, что предполагают такое членение окружающего мира на однопорядковые геополитические единицы, в котором исчезает грань между внешним и внутренним для России пространством, теряется ее социально-политическая целостность. Территориальные, этнические, конфессиональные и прочие компоненты российского общества и государства воспринимаются только в качестве геополитических факторов, соотносимых с внешними угрозами.

Разумеется, констатации и оценки, обобщения и рекомендации формулируются каждый раз в определенном контексте, в рамках которого они, возможно, объяснимы, оправданы либо функциональны. В конечном счете, все, о чем шла речь выше, связано исключительно с “политическим” и сугубо прикладным характером оценок и разработок. Они представляют собой, по сути, диалог экспертов с правящей элитой (в данном случае неважно – лояльный или критичный). В такого рода дискурсе Северный Кавказ становится разве что объектом политических воздействий или даже политических манипуляций.

Следовательно, содержание и логика современного общественного дискурса по северокавказской проблематике показывает, что он фокусируется вокруг двух полюсов аргументации: власть как субъект политики, выразитель государственного интереса и целеполагания, и общество как объект политики, носитель специфических характеристик, источник проблем. Вопросы, требующие определенного ответа в рамках этого проблемного поля, касаются условий легитимации власти в обществе и эффективности политики власти по отношению к обществу.

Отражение и воплощение указанной тенденции – продолжавшиеся вплоть до конца 1990-х гг. попытки разработать такой официальный документ, как “Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе”. Проект, принятый за основу на расширенном заседании Коллегии Миннаца России 12 января 1998 г., определял “Концепцию” как “согласованную систему взглядов на цели, принципы и первоочередные задачи кавказской политики России, учитывающую не только современные политические реальности, но и весь комплекс экономических, культурных, этнополитических, религиозных и других особенностей народов этого региона, сложившихся как в процессе исторического развития, так и в результате их вековых взаимоотношений с русским и другими народами в рамках единого Российского государства” [Концепция... 1998, с. 2].

Фокусирующая функция власти (государства) выражается в том, что она развивает свою деятельность по широкому спектру направлений и проблем. Вышеназванная “Концепция” формулировала целый ряд задач в области совершенствования фе-

деративных отношений, управленческого и политического механизмов реализации государственной национальной политики, решения проблем “разделенных народов”, беженцев и вынужденных переселенцев, русского населения региона, репрессированных народов и казачества, преодоления последствий осетино-ингушского конфликта и урегулирования ситуации в Чеченской Республике. Предлагался комплекс мер по реализации экономической политики в регионе в рамках Федеральной целевой программы экономического и социально-политического развития Северного Кавказа. Наконец, “Концепция” содержала постановку основных задач внешней политики России в целях стабилизации этнополитической ситуации в регионе.

Активные экспертные проработки проблем власти и общества на современном Северном Кавказе, масштабные государственные мероприятия и весь ход событий в течение первого десятилетия XXI в. многое изменили и в стране в целом, и на Северном Кавказе в частности. Но в современных общественном дискурсе и общественной практике сохраняются две позиции, сложившиеся в 1990-е гг. Во-первых, это восприятие Северного Кавказа только как особого, специфического, в определенном смысле “аномального” региона России. Во-вторых, это внутренняя противоречивость текущей ситуации и неопределенность социально-политических перспектив Северного Кавказа, несущая как возможности стабилизации, так и угрозы ее новых обострений. В данной связи репрезентативен следующий факт. В изданной в 2007 г. “Книге для политиков” о Российском Кавказе указывается, что значительная часть приводимых в ней рекомендаций (главная из которых – “лучше знать и больше учитывать этническую специфику, традиции и образ жизни местного населения”) восходят к разработкам десятилетней давности [Российский... 2007, с. 16].

Оценивая перспективы нестабильного Кавказа, большинство специалистов считают наиболее вероятной реализацию “умеренного” либо “негативного” сценариев развития регионального этнополитического кризиса, тогда как для реализации “позитивного” и “алармистского” сценариев, по их мнению, отсутствуют достаточные условия [Авксентьев, 2007, с. 119–121]. Тем не менее анализ текущей периодики показывает, что количество алармистских оценок ситуации в регионе не уменьшается. Видимая причина тому – активизация террористической деятельности в регионе с лета 2009 г. Однако нередко вопрос ставится в более широком контексте: “Ситуация на Северном Кавказе, как и прогнозировалось, год от года становится все более неуправляемой. Деятельность военного подполья, наблюдаемая в последнее время, позволяет утверждать, что эскалация насилия будет идти по нарастающей. С неизбежным распространением этого процесса за пределы Юга России. Обоснованием для столь пессимистического заявления служит анализ действий и заявленных намерений федерального центра по Северному Кавказу. По сей день отстаивается изначально ошибочная стратегия замены одних чиновников на других и бесконечного усиления силовой составляющей”. Альтернативой этому может быть только создание на местах “механизмов власти, способных нормально функционировать при любом приличном руководителе республиканского уровня”. Таковыми же могут быть только институты и должностные лица, властные полномочия которых легитимны с точки зрения местных обществ [Мартагов, 2009, с. 4].

В приведенном заключении отражается характерная для современного общественного дискурса убежденность в исторически обусловленной “проблемности” взаимоотношений российской государственной власти и местных обществ. Эта убежденность практически не зависит от корректности представлений о причинно-следственных связях между политикой федерального центра и действиями террористического подполья в настоящее время. Ряд факторов исторического и современного развития с необходимостью обусловил ее формирование и закрепление в общественном сознании.

Прежде всего следует указать на условия и формы осуществления постсоветского политического перехода в регионе Северного Кавказа, породившие глубокую архаизацию и этнизацию общественно-политического сознания и соответствующих практик. Обычные попытки объяснить этнополитическую динамику в Северокавказ-

ском регионе отдельно взятыми этнодемографическими, историко-политическими, социокультурными либо социально-экономическими факторами в логико-методологическом плане являются редукционистскими. Реальное этнополитическое развитие определялось скорее их конкретно-историческим сочетанием и кумулятивным (взаимодополняющим) действием именно в контексте “переходного” состояния общества и государства и вызванного им всеобщего кризиса идентичности [Кара-Мурза, Панарин, Пантин, 1995, с. 16].

С точки зрения истории региона бесспорно первенство политики, первенство процессов, совершившихся в последнее десятилетие XX в. в политическом и культурно-идеологическом центре российского общества. Официальная и наиболее популярная в академическом мире концепция сводила их содержание к совокупности преобразований, ориентированных на модернизацию российского общества, – формированию экономической системы рыночного типа, гражданского общества и правового демократического государства на базе принципов либерализма.

Но для северокавказского этносоциального конгломерата с его “спрессованной неоднородностью”, с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобрело все то, что могло вести к “возбуждению” этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере “управляемости” этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов [Гордон, Плискевич, 1994, с. 85].

Неизбежным следствием, в известном смысле необходимой для северокавказского социума компенсирующей реакцией на разрушительные и дестабилизирующие воздействия, стало хотя бы частичное восстановление социорегулятивных функций традиционных, “досовременных” моделей идентичности, ценностей, социальных ролей и институтов, ментальных структур и типов социального действия. В результате нынешняя российская революция “осовременивания” едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом архаизации (подробнее см. [Муратова, 2006]).

Этничность как сознание принадлежности к этнической группе, как “весьма архаичный модус самоопределения” [Драгунский, 1993, с.24] обнаружила себя на всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой идентичности. На Северном Кавказе процесс актуализации этничности с неизбежностью стал весьма интенсивным и приобрел дополнительные характеристики. Прежде всего этничность здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социокультурной системы. Установка на полное восстановление возможностей этнокультурного воспроизводства как бы требовала и ревитализации соответствующих традиционных институтов, практик и ролей. Далее, при существенном сходстве базовых черт традиционной общественной организации и культуры, общности религии у народов Северного Кавказа проблема разграничения “мы–они” в этническом самосознании выливалась в представление о границах этнических территорий. Здесь запутанность исторического наследия и давление текущей политики (оглушительная критика и дезавуирование системы национально-государственного устройства советского времени, закон о реабилитации репрессированных народов и т.п.) вели к гипертрофированию значимости этнотерриториальной идентичности. Наконец, актуализация этничности порождала элементы психологического дистанцирования от российского государства, на уровне обыденного сознания отождествляемого как бы с государством чисто русским.

Описанные явления получили обоснование в идеологических построениях национальных движений и теоретических конструктах этнополитологии. Программные документы практически всех национальных движений, выступивших на арену общественной жизни региона в начале 1990-х гг., исходили из идей неделимости, нерушимости и равенства прав этносов как социальных субъектов и политических акто-

ров. Эти принципы нашли правовое закрепление в конституциях и законодательстве республик Северного Кавказа. Официальное признание народов в качестве субъектов права реализовалось также в федеральных законах, указах Президента Российской Федерации и постановлениях Правительства Российской Федерации. Правомерность тезиса о рассмотрении этносов в качестве субъектов политики и права, необходимость конституционного закрепления понятия “этнос как субъект права”, определения правовых гарантий каждого из них в структуре многонационального государства получили специальное обоснование в ряде научных работ [Хоперская, 1997, с. 56–74, 125–126; Смирнов, 2001, с. 69–77]. Между тем реальное развитие конституционных основ современной российской государственности и политической практики федерального центра шло, пусть и не всегда гладко, в противоположном направлении (см. [Дробижева, 2005; 2008; Арутюнян, 2009]).

Ссылки на исторические корни современных коллизий и проблем стали общим местом в обсуждениях северокавказской тематики в рамках современного общественного дискурса. Но следует различать влияние “исторического фактора”, воплощенного в историческом измерении актуального общественного сознания (то, что обычно называют “исторической памятью”), и “исторического фактора” в его объективной ипостаси, то есть в виде устойчивых структур и отношений, унаследованных от прошлого.

Интенсивное идеологическое воздействие на историческую память населения, апелляция к ней как к фактору делегитимации государственной и общественной системы советского социализма на рубеже 1980–1990-х гг. имели особое влияние на ситуацию в регионе. Ведь актуализация исторической памяти как поля поисков идентичности и фундамента ориентации в современных общественных реалиях изначально формировалась новой политической элитой России в виде “синдрома жертвенности” и повода для “вчинения исков”. История политики Российской империи и СССР в отношении народов Кавказа объективно давала обильный материал для подпитки этого синдрома. Но такая избирательность исторической памяти навязывалась и своеобразным контекстом современной региональной политики российских властей, вернувшихся, казалось, к решению задач конца XVIII в. Сами риторические формулы рядоположения “Россия и Кавказ”, или кавказская политика России; политическая практика, включавшая политическую игру, политическое лавирование между республиками и национальными группами, элитами и национальными движениями, региональными властями и оппозицией; элементы “невмешательства”, так же как и характер “вмешательства”, сводившийся к использованию вооруженных контингентов, – все это создавало впечатление, что государственная власть РФ не считает себя представителем народов Северного Кавказа, а намерена представлять некие внешние по отношению к ним “российские интересы”. Не менее важно было назойливое акцентирование геополитического аспекта региональной политики и подчеркнутое внимание приоритетному укреплению Северокавказского военного округа.

Объективные исторические источники проблемности взаимоотношений общества и власти на Северном Кавказе имеют двоякий характер. Во-первых, они проистекают из того, что народы и общества Северного Кавказа не имеют собственной традиции государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов и т.д. Поэтому любые попытки легитимации своих государственно-политических притязаний связаны для них с обращением к историческому опыту независимого существования, политических отношений с Российским государством в период своей независимости, условиям и формам вхождения в его состав.

Во-вторых, они являются следствием того, что органичные для российского общества политико-административные формы и органичные для северокавказских обществ властные системы были слишком разнокачественны, чтобы рассчитывать на естественно-исторический механизм их соединения. Необходимы были сознательные усилия по “встраиванию” местных институтов в государственную систему империи,

по “выстраиванию” системы имперских институтов власти и управления в регионе, по сочетанию того и другого таким образом, чтобы постоянно преодолевать тенденцию взаимоотторжения власти и общества.

Эти аспекты исторической связи прошлого и современного политического опыта недоступны для непосредственного восприятия общественным сознанием и не могут быть в готовом виде извлечены из “исторической памяти”. Такого рода связи должны сперва стать предметом специальных научных исследований и теоретических обобщений, результаты которых затем необходимо тактично внедрять в политическую и административную практику. Ибо серьезность вызовов и для России, и для международного сообщества на северокавказском направлении, среди которых особо деструктивную роль играет слабость и неэффективность государственных и общественных институтов, не позволяет оставаться в рамках исключительно академического дискурса. Задача заключается в том, чтобы расширить взаимодействие и взаимообмен между теоретической и прикладной сферами знаний о Кавказе. Это позволит придать большую глубину и осознанность политическим методам и одновременно обогатить фундаментальную науку современными идеями – концептуально-методологическими по смыслу и гуманистическими по своим конечным целям. Необходимый элемент адаптации научных подходов к меняющейся реальности – их включение в широкий исторический контекст. Попытки смоделировать перспективу развития региона на ближайшие 25–30 лет требуют ретроспективного анализа событий и тенденций последних 150–200 лет [Торкунов, 2007, с. 8–9]. Это был не только отрезок исторического пути России и Кавказа, оставивший нам громадные позитивные результаты и реальные проблемы, но также период широкого научного изучения Кавказа с его богатым историографическим наследием.

Словом, путь к преодолению чрезмерной этнизации и историзации политического мышления и соответствующих практик лежит не через игнорирование прошлого, а через утверждение по отношению к нему рационалистических, научно-познавательных установок, чтобы обеспечить корректность и продуктивность использования исторического опыта для решения актуальных и перспективных политических вопросов.

Сказанное, конечно, не означает, что события и явления прошлого должны указывать обществу ориентиры на будущее. Напротив, насущные проблемы и задачи государственной политики и общественного развития задают концептуальные рамки анализа и обобщения исторического опыта. Но общественный консенсус по поводу прошлого и его практическая полезность не могут быть обеспечены выборочным и инструментальным отношением к нему. С этой точки зрения для характеристики современного общественного дискурса по северокавказской проблематике важно учитывать не только те проблемы, которые в нем устойчиво воспроизводятся, но и те, что в нем “устойчиво отсутствуют”. А к ним относятся как раз ключевые вопросы общенациональной повестки дня – модернизация и демократизация. Эти вопросы стоят перед российским обществом объективно, вне зависимости от их конъюнктурной актуализации в высказываниях руководителей государства. И в связи с поиском путей их решения существенные измерения исторического опыта XIX–XX вв. можно представить следующим образом.

Окончательное включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Можно сказать, что между эпохой их автономного общественного бытия на основе собственной социокультурной традиции и эпохой пребывания в составе России действительно существует глубокий разрыв исторической преемственности. Вместе с тем эпоха с 1860-х гг. и вплоть до наших дней характеризуется принципиальным единством содержания. Внешне противоположные политико-идеологические формы имперского, советского и постсоветского периодов пронизываются сквозными линиями становления современных форм экономики, социальности и культуры. В рамках этой эпохи тема “Россия и Кавказ” приобретает качественно новое звучание.

В XVI–XVIII вв. основным мотивом в ней была проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В период Кавказской войны главенствовала проблема совместности в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. А с конца XIX в. основным мотивом становится проблема *совместного развития*, то есть органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Ключевым для государственной политики России на Северном Кавказе с этого времени стал вопрос о соотношении системы власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ.

Необходимо учитывать сегодня и проецировать на будущее своего рода константы в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России. Во-первых, это присутствие в государственном и социокультурном пространстве России исторического региона, отмеченного культурной инаковостью. В длительном и разнообразном историческом опыте взаимодействия России и Кавказа воспроизводятся элементы, черты, проблемы, сближающие рубеж XX–XXI вв., скажем, с серединой XIX в. (а по отдельным аспектам даже с XVI в.). Они выражают, в конечном счете, связь культуры и политики, опосредованность политических форм этого взаимодействия способностью/неспособностью поддерживать диалог и достигать взаимопонимания культур. Во-вторых, это внутренняя двойственность самих основ жизнедеятельности и самосознания народов Северного Кавказа. С того времени, когда российское государство приступило к глубоким преобразованиям местных обществ с целью их инкорпорации в социально-политический организм “большой России”, дуализм привнесенных и автохтонных, современных и традиционалистских начал общественной жизни пронизал все аспекты мировидения и социальной практики народов региона.

За текущими, конъюнктурными кризисами и обострениями серьезная государственная политика в регионе должна видеть и учитывать эти постоянные величины в современной кавказской реальности. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит не столько через управление территориями или населением, сколько через управление базовыми общественными процессами, протекающими в регионе. То напряжение, которому подверглась дуалистичная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период 1990-х гг., не снято до сих пор. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом какими-либо одномоментными правовыми, административными или даже политическими акциями. Равным образом, не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем: они не просто взаимосвязаны, но взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации.

Но если государство выступает в роли инициатора и субъекта политики модернизации и демократизации, то местные сообщества будут не просто пассивными объектами, но активными социокультурными субъектами этого процесса. В такой перспективе этнополитические проблемы Северного Кавказа получают качественно иной аналитический контекст, а государственная политика переводится из области монотонного реагирования на ситуационные вызовы в пространство осмысленной и перспективной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьев В.А.* Северный Кавказ: этнополитические сценарии и проблема региональной безопасности // Кавказ в российской политике: история и современность. М., 2007.
- Арутюнян Ю.В.* Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
- Гордон Л.А., Плискевич Н.М.* Развилки и ловушки переходного периода // Полис. 1994. № 4.
- Драгунский Д.В.* Навязанная этничность // Полис. 1993. № 5.

- Дробижева Л.М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3.
- Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе: тенденции и проблемы // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2.
- Дугин А.Г.* Кавказский узел // *Современные проблемы геополитики Кавказа*. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2001.
- Золян С.Т.* Описание регионального конфликта как методологическая проблема // *Полис*. 1994. № 2.
- Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // *Полис*. 1995. № 4.
- Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. М., 1998.
- Мартагов Р.* Кавказ – дело тонкое // *Северный Кавказ*. 2009. № 33.
- Медведев Д.А.* Россия, вперед! (<http://kremlin.ru>).
- Муратова Е.Г.* Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа: исторический и актуальный опыт // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3.
- Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. М., 1999.
- Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007.
- Северный Кавказ: проблемы экономики и политики. М., 2008.
- Смирнов А.Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001.
- Торкунов А.В.* Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // *Кавказ в российской политике: история и современность*. М., 2007.
- Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов-на-Дону, 1997.
- Яндиев М.А.* Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М., 2008.

© А. Боров, Е. Муратова, 2011